

НАРОДНИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА СРЕДИ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХ РАБОЧИХ

В 1874—1875 гг.

А. Я. КИПЕРМАН

Одним из центров интенсивной народнической пропаганды в 1874—1875 гг. был Иваново-Вознесенск¹. В то время на 46 предприятиях города работало около 10 тыс. рабочих². Помимо этого, к Иваново-Вознесенску примыкал целый промышленный округ с развитой текстильной промышленностью (Шуя, Кохма, Тейково, Серeda, Писцово и др.).

Фабричные рабочие, не потерявшие связи с землей, привлекали внимание народников как возможные распространители в деревне идей крестьянской революции. Для пропаганды среди них в начале июня 1874 г. в Иваново-Вознесенске поселился народник М. Н. Шрейдер. Под именем Михаила Николаева он в течение полутора месяцев работал учеником слесаря на ситцевой фабрике Лопатина. Сразу же после поступления на фабрику М. Шрейдер стал сближаться с рабочими, давать им для чтения нелегальные брошюры, беседовать о нищенской и бесправной жизни людей труда³. Особенно близко сошелся пропагандист с 19-летним слесарем Федором Жарковским, грамотным и способным рабочим, о котором иваново-вознесенский полицмейстер писал, что тот «любитель чтения книг и имеет их в достаточном количестве у себя»⁴.

На квартире Шрейдера устраивались коллективные читки и беседы с рабочими. Наиболее активными посетителями этих собраний, помимо Жарковского, были рабочие С. Судомоев, А. Жаров, Д. Минин, Н. Рудин, Д. Соколов⁵. Нелегальную литературу в Иваново-Вознесенск доставляла революционерка М. Шталь.

Работая на фабрике, Шрейдер не соблюдал элементарных требований конспирации. Вскоре фабричная администрация стала замечать, что он в рабочее время занимается чтением, раздает рабочим какие-то книги. «Последствием этого,—свидетельствовал на дознании старший механик,—было то, что рабочие стали дерзки и особенно один из них, бывший более знакомым с Шрейдером — слесарь Федор Жарковский»⁶. По жалобе старшего механика Шрейдер был уволен и сразу же исчез из города.

¹ Некоторые сведения об этом имеются в работах: И. Каржанский. Московский ткач П. Алексеев, М., 1954; О. Д. Соколов. Революционная пропаганда среди фабричных и заводских рабочих в 70-х годах XIX в. Сб. «Из истории рабочего класса и крестьянства СССР», М., 1959.

² Ивановский областной государственный архив (ИОГА), ОДФ, ф. 4. оп. 1, д. 26, лл. 92—105.

³ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 72, д. 7192, л. 31.

⁴ ИОГА, ф. 338, оп. 1, д. 2, л. 54.

⁵ ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, д. 310, лл. 110—111.

⁶ О. Д. Соколов. Указ. статья, стр. 14; ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, д. 310, л. 82.

Когда позднее, в октябре 1874 г., иваново-вознесенская полиция напала на след антиправительственной пропаганды, обнаружить приезжих революционеров ей не удалось. Ф. Жарковский был арестован и в течение трех месяцев содержался в тюрьме.

Выйдя на свободу, Жарковский сам стал пропагандистом в иваново-вознесенских железнодорожных мастерских, куда он поступил работать слесарем. Не рискуя начинать беседы непосредственно в мастерских, Жарковский удалялся с небольшой группой рабочих в лес, где читал им запрещенные книги. Так, в один из воскресных дней апреля 1875 г. он отправился с группой своих товарищей в ближайший лес. Однако беседа была сорвана появлением жандармов⁷. В дальнейшем сходки в лесу и чтения революционной литературы не прекратились; среди постоянных посетителей бесед Жарковского были слесари Алексей Орлов, Александр Иванов, Василий Лопухин, стрелочник Михаил Тихонравов.

Ф. Жарковский восстановил связи и с рабочими фабрики Лопатина. Помощь в этом ему оказал столяр лопатинской фабрики Василий Полушенков, участник кружка Шрейдера⁸, Кружок, руководимый Жарковским, постоянно посещали 6—8 молодых рабочих. Вначале для занятий использовалась нелегальная литература, оставленная еще Шрейдером, а затем нелегальные издания доставляли «москвичи».

В глазах местных властей рабочий пропагандист Жарковский вырастал в вожака всех оппозиционно настроенных элементов города. Так, в одном из жандармских донесений к «партии Жарковского» (т. е. его сообщникам) причислялись не только несколько железнодорожных рабочих, но и группа радикально настроенной интеллигенции, тайные собрания которой он иногда посещал⁹.

В это же время, вероятно, предпринимались попытки распространения революционных идей в промышленном селе Тейкове. Летом 1874 г. пропаганду среди тейковских рабочих, по-видимому, вел известный впоследствии деятель народнических организаций А. И. Комов. Сын местного крестьянина А. Комов с 11 лет начал трудовую жизнь рабочего. Обладая недюжинными способностями, он самостоятельно подготовился к сдаче экзаменов на учителя и с этой целью в 1873 г. отправился в Петербург. Там он вступил в один из народнических кружков¹⁰ и весной 1874 г. вместе со своими товарищами ушел «в народ». После непродолжительных странствований по промышленным городам и поселкам А. Комов остановился в родном селе Тейкове.

Революционные убеждения Комова подробно изложены в собственноручно написанных показаниях, данных им в октябре 1874 г. В этом документе¹¹, представляющем интерес для исследователей в силу своей яркости и непосредственности, автор открыто признает себя сторонником социальной революции, которая может быть достигнута путем устной и книжной пропаганды. Воззрения А. Комова не отличались ни оригинальностью, ни последовательностью, а представляли смесь бакунизма, лавризма и лассальянства.

В письмах, адресованных из Петербурга своим тейковским знакомым, в феврале 1874 г. Комов писал о бедственном положении русского народа, об «обворовывании рабочих буржуазией». Он прямо призывал немедленно приступить к пропаганде среди рабочих, сообщая при этом, что в Петербурге уже начались беспорядки на фабриках.

Пропагандист находился в Тейкове более двух месяцев. Полиция установила за ним и за его братом Иваном, работавшим на фабрике Каретникова, тайное наблюдение. Уже в июле 1874 г. в III отделение

⁷ ИОГА, ф. 338, оп. 1, д. 2, л. 55.

⁸ Владимирский областной государственный архив, ф. 117, оп. 1, д. 69, л. 2.

⁹ ЦГИАМ, ф. III отд., 3 эксп., 1871, д. 119, л. 46.

¹⁰ Н. К. Бух. Воспоминания, М., 1928, стр. 52.

¹¹ ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, д. 286, лл. 122—128.

поступило донесение о том, что в доме Комова часто собираются «подозрительные» лица¹². 24 августа 1874 г. Комова арестовали. При обыске у него были изъяты выписки «социального характера», адреса разных лиц.

Сведения о революционной пропаганде среди рабочих и рост стихийного рабочего движения вызвали серьезное беспокойство царского правительства. С начала 1875 г. губернские власти стали получать из Петербурга секретные циркуляры и предписания, требовавшие установления особо строгого надзора над фабричными рабочими. Фабрикантам и заводчикам вменялось в обязанность наблюдение за появлением на их предприятиях пропагандистов и сочинений революционного содержания. В апреле — мае 1875 г. иваново-вознесенский городской пристав обязал подпиской владельцев 20 крупнейших фабрик немедленно заявлять начальству о лицах, «распространяющих вредную пропаганду между рабочими и снабжающих их книгами революционного содержания»¹³. Поэтому с весны 1875 г. местные власти проявляли особую настороженность и подозрительность к попыткам пропаганды на промышленных предприятиях. Между тем революционеры, несмотря на недавние неудачи и провалы, существенно не изменили своих приемов работы в рабочей среде. Это и предопределило сравнительную недолговечность так называемой иваново-вознесенской народнической общины, основанной в мае 1875 г. деятелями «Всероссийской социально-революционной организации» или группы «москвичей». Еще в марте 1875 г. В. Александрова и Н. Васильев совершили специальную поездку в Шую с целью выяснения возможности создания филиалов московской организации, а в Иваново-Вознесенске намеревался обосноваться Петр Алексеев¹⁴, но этому помешал его арест.

Выбор «москвичами» Иваново-Вознесенска в качестве одного из основных пунктов пропаганды на периферии нельзя считать случайным. Там было очень много фабричных рабочих, которые наиболее соответствовали идеалу народников о развитом крестьянине, познавшем изнанку городской жизни, но не успевшем еще потерять связи с деревней. В Иваново-Вознесенске почва для пропаганды была в какой-то мере подготовлена деятельностью Шрейдера и Жарковского. Через М. Шгаль «москвичи» знали о существовании кружка Жарковского и сразу же по прибытии в Иваново-Вознесенск установили с ним контакт¹⁵.

Первые «москвичи» (С. Агапов, В. Александрова, А. Топоркова) прибыли в Иваново-Вознесенск 28 мая 1875 г. Вскоре к ним присоединились В. Александров, И. Баринов и Л. Фигнер. Все шестеро поселились в маленькой комнатке, снятой в районе бывшего села Иванова, и стали прискипать себе места на фабриках. Не имея (за исключением Баринова) квалификации ткача, революционеры вынуждены были наняться учениками. На этом основании за московскими пропагандистами закрепилось наименование «неумелых ткачей». Среди членов общины было только два кадровых рабочих — Агапов и Баринов.

«Неумелые ткачи» охватили народнической пропагандой четыре предприятия: фабрики Лопатина, А. Зубкова, Н. Зубкова и железнодорожные мастерские. После беглого знакомства с рабочими пропагандисты заводили с ними беседы о тяжести их материального и правового положения. Так, ткач П. Широков, неоднократно посещавший «неумелых ткачей» на их квартире, на дознании показал, что ему говорили: «Мы напрасно работаем, работа тяжелая, мы маемся». Примечательно, что после этого признания Широков делает характерное заявление: «но он (пропагандист — А. К.) не говорил, что мы должны делать»¹⁶.

¹² ЦГИАМ, ф. III отд., 3 экзп., 1874, д. 118, л. 30.

¹³ ИОГА, ф. 338, оп. 1, д. 2, л. 50; д. 4, л. 16.

¹⁴ И. Д ж а б а д а р и. Процесс 50-ти. «Былое», 1907, № 10(22), стр. 179.

¹⁵ ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, д. 152, л. 81.

¹⁶ Там же, л. 211.

Основную свою задачу пропагандисты видели в чтении и распространении нелегальных народнических изданий, которыми они были снабжены в достаточном количестве. Только в день ареста у них было изъято свыше 200 различных запрещенных книг¹⁷. Это были народнические брошюры «Сказка о четырех братьях», «Чтой-то братцы», «Бог то бог», «Сказка о копейке», «Емельян Пугачев» и т. п.

Ткач Афанасий Андреев, прочитавший революционную книгу прямо у станка, на допросах упорно утверждал, что из всего прочитанного ничего не понял и не помнит¹⁸. Другие рабочие, привлекавшиеся к дознанию, также уверяли жандармов, что содержание прочитанных книжек осталось для них неясным. Эти показания охотно вносились жандармами в протокол, ибо в их интересах было изобразить дело так, что «преданный престолу» русский рабочий не склонен к восприятию антиправительственной пропаганды. Однако из слов Афанасия Андреева и его брата Семена, который читал нелегальные книги другим рабочим, видно, что они прекрасно понимали смысл прочитанного.

Кроме Жарковского, революционную пропаганду вел другой рабочий лопатинской фабрики — Василий Ильичев. Он читал вслух народнические брошюры в рабочих бараках и непосредственно на фабрике, передавал нелегальные книги рабочим¹⁹.

Пропагандисты обращались с нелегальной литературой с поразительной беспечностью. Это в конечном счете и привело их к провалу. 18 июля 1875 г. табельщик фабрики А. Зубкова отобрал у ткача Т. Бурова «Сказку о четырех братьях». Встревоженные этим революционеры приняли некоторые меры предосторожности. Т. Буров и В. Ильичев поспешно покинули свои фабрики, а И. Баринов совсем скрылся из города. 24 июля «москвичи» переселились на новую квартиру, расположенную в противоположной части города²⁰.

Устроившись на новом месте, пропагандисты продолжали свою деятельность. 3 августа с ними провел весь день прибывший из с. Писцово помощник колориста тамошней фабрики Александр Топорков²¹. Из этого можно заключить, что предпринимались попытки наладить пропаганду и среди рабочих промышленного села Писцово.

Утром 7 августа 1875 г. жандармы и полицейские нагрянули в дом Кисина, где жили пропагандисты. При аресте и обыске «неумелые ткачи», пытаясь уничтожить шифрованные письма, оказали сопротивление жандармам. У дома стал собираться народ, открыто выражая сочувствие арестованным. Молодой рабочий Иван Кисин, обращаясь к все возраставшей толпе, громогласно высказывал возмущение действиями полиции²². Помимо «москвичей», аресту подверглись иваново-вознесенские рабочие Ф. Жарковский, В. Ильичев, И. Кисин, Т. Буров, И. Великанов, В. Потапов и К. Семенов. Обыски и аресты были произведены и в с. Писцово.

Рабочие Иваново-Вознесенска сочувственно относились к пропаганде народниками революционных идей. Факты свидетельствуют, что живой интерес и восприимчивость к революционной пропаганде обнаруживали тогда главным образом передовые рабочие, порвавшие с крестьянскими традициями и воззрениями и ставшие кадровыми пролетариями. Не лишенный наблюдательности иваново-вознесенский полицмейстер Успенский в политическом обзоре, подводившем некоторый итог дознанию по делу о пропаганде в городе, особо отмечал, что рабочие, тесно связанные с деревней, менее всего склонны поддаваться революционной пропаганде. Ссылаясь на пример Жарковского и Ильи-

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 72, д. 7192, л. 56.

¹⁸ ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, д. 152, л. 214.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 74, д. 7428, л. 196.

²⁰ ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, д. 152, л. 223.

²¹ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 326, л. 553.

²² О. Д. Соколов. Указ. статья, стр. 18.

чева, он тут же подчеркивал, что «пропаганда прививается легко и быстро... в среде тех рабочих, которые не имеют никакой собственности»²³. Влияние народнических идей на развитие политического сознания тех рабочих, которые бегло познакомились с одной-двумя нелегальными брошюрами, было невелико. К тому же идеи, проповедуемые народниками, не способствовали осознанию пролетариями своей исторической миссии. Тем не менее, революционная пропаганда народников в Иваново-Вознесенске в 1874—1875 гг. не была бесплодна и сыграла известную роль в политическом просвещении рабочих. В условиях, когда еще не было массового рабочего движения, проповедь народников будила критическую мысль, усиливала чувства недовольства и протеста рабочих. Определенное значение имел также приобретенный передовыми рабочими некоторый практический опыт революционной деятельности, хотя передовые кадровые рабочие уже тогда переросли народническую пропаганду, построенную на неверных взглядах на развитие общества и роль рабочего класса.

---

²³ «Рабочее движение в России в XIX в.», сб. док. под ред. А. М. Панкратовой, т. II, ч. 2, М., 1950, стр. 40.

